

Аркадий Застырец

ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ

ИЛИ

ВСЁ, ЧТО УГОДНО

Аркадий Застырец

**Двенадцатая ночь, или Всё, что
угодно. Последствие комедии
«Twelfth Night, or What You
Will» by William Shakespeare**

«Издательские решения»

Застырец А. В.

Двенадцатая ночь, или Всё, что угодно. Последствие комедии
«Twelfth Night, or What You Will» by William Shakespeare /
А. В. Застырец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855238-0

Что происходит с миром людей в Двенадцатую ночь? Для чего мы живем, любим и ненавидим, грешим и жертвуем собой? Почему мы умираем? Правда ли, что все люди — братья? Возможно ли примириться с той реальностью, что явлена нам в восприятии, и разгадать смысл этого представления? И что это еще за «Всё, что угодно»? Думаете найти ответы на все вопросы в этой комедии? Увы, и это всего лишь еще один вопрос без ответа. Но искать не возбраняется. Join with pleasure!

ISBN 978-5-44-855238-0

© Застырец А. В.
© Издательские решения

Содержание

Действующие лица	6
Пролог	7
Акт I	8
Сцена I	8
Сцена II	13
Сцена III	19
Сцена IV	22
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Двенадцатая ночь, или Всё, что угодно Последствие комедии «Twelfth Night, or What You Will» by William Shakespeare

Аркадий Валерьевич Застырец

Дизайнер обложки Аркадий Валерьевич Застырец

© Аркадий Валерьевич Застырец, 2018

© Аркадий Валерьевич Застырец, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-5238-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Действующие лица

Фесто

Орсино

Курио

Виола

Капитан

Валентин

Сэр Тоби

Мария

Сэр Эндрю

Оливия

Мальволио

Себастьян

Антонио

Фабриан

Первый полицейский

Второй полицейский

Священник

Музыканты, лорды, моряки, прислуга и все, кому не лень

Действие происходит в одном и том же месте, но кажется, что в разных

Пролог

Грохот, крики, выстрелы, визг тормозов. Сирена «скорой помощи». Входит Фесто в халате, шапочке и маске. Так что сперва его можно принять за хирурга.

Фесто (*поет*).

За уходящим – что там?

Любовь, война, борьба?

Нежданным поворотом

Решается судьба.

Сестра увидит брата

На свадебном пиру.

Заклятье будет снято,

И брат найдёт сестру.

Как боб на боб, похожи,

Но вовсе не равны.

Жена ему не то же,

Что муж в руках жены.

(Внезапно снимает спецодежду и является в полном блеске шутовского наряда.)

Да будут все открыты

И веселы, как лес,

Которым полы сшиты

Распахнутых небес!

Да будь врагу на горе

Недоля далека!

И пир шумит, как море,

Когда штормит слегка...

Все счастливы и сыты,

И продолжать не прочь!

Врата миров открыты

В Двенадцатую ночь.

Уходит.

АКТ I

Сцена I

Дворец Орсино и одновременно берег Иллирии. В дворцовые покои входит герцог Орсино в сопровождении Курио, а на берег высаживаются из шлюпки Виола и Капитан.

Орсино.
Коль музыкой возможно напоить
Любовь мою, как кровью – вурдалака,
Играйте! Пусть подавится она!
Насытившись, сосать не перестанет
И, лопнув, испарится наконец,
Из плена сердце выпустив на волю!
Играйте, пойте!

Курио (*поёт*).
Любовь – тиранка злая!
Лишён тобою сил!
Не ждёт меня Аглая,
И белый свет не мил...
Вотще ты, сердце, бьёшься...

Орсино.
Полно! Хватит! Нет!
В тот раз звучало как-то всё иначе...
И вовсе не в Аглаю я влюблен!
Моя болезнь Оливией зовётся.

Курио.
Могу и про Оливию вам спеть.
(*Поёт*) Амур меня сразил забавы ради.
Любимая, спаси и всё исправь!
Оливия! Молю я о пощаде!
Царица грёз, рассеяй разлуки явь!

В это время на берегу.

Виола.
Что за страна, мой друг?

Капитан.
Иллирия, сеньора!

Виола.
На кой же мне Иллирия нужна,
Когда мой брат в Элизии блуждает?..

А может, всё же он не утонул?
Как думаешь?

Капитан.
Да что тут, право, думать!
Раз вы спаслись, то мог спастись и он...

Виола.
Должно быть, врешь! Утешить хочешь...

Капитан.
Нет!
Помилуйте! На море приходилось
И не такие видеть чудеса!
А в этот раз всё было, как обычно.
Когда на нас девятый рухнул вал
И в щепки борт, и мачту, и кормило...
Я быстро шлюпку на воду спустил
И брата вашего, как вас теперь, увидел!
Вцепился в обломившийся он шверт
И на волне со швертом удержался.
Его бы спас, но тут заметил вас
В полсотне с гаком футов к норд-норд-весту.
Дальнейшее известно. И – как знать...
Возможно, брат ваш...

Виола.
Вряд ли. Но – спасибо.
Ты спас меня. А мог спасти его.

Капитан.
Да что его! Я спас бы всех на свете,
Когда б за шверт все вовремя взялись.

Виола.
Ну, не взялись! Судьба, видать, такая.
Иллирия... Ты знаешь этот край?

Капитан.
Да как не знать! Родился здесь и вырос.

Виола.
А кто, скажи, правитель здешних мест?

Капитан.
На наше счастье – герцог благородный.

Виола.
Как звать его?

Капитан.
Орсино.

Виола.
О! Орсино!
Красив он, верно, с именем таким?

Капитан.
Красив-то – да. Да только, бедолага,
С полгода уж Амуром поражён
И чахнет от любви неразделённой
К Оливии...

Виола.
А кто она у нас?

Капитан.
Она – графиня, краше Афродиты
И плюс к тому – богатая, как Крész!
Отец её скончался и оставил
На попечение брату и её,
И всё свое имение, но вскоре
Брат умер тоже. А графиня траур
Уже полгода носит по нему
И не снимать – обет дала – три года.

Виола.
Моё с её несчастьем в унисон.
Так не пойти ли горничной к графине,
Чтоб траур вместе с нею соблюдать,
За годом год оплакивая брата?

В это время во дворце герцога Орсино.

Курио (*поет*).
О, сладостная мука,
Нежна ты, но сильна!
Разлука ты, разлука!
Чужая сторона!

Орсино.
Довольно! Тише! Больше не могу!
Не утоляет музыка желаний!
А впрочем... Пой! Возможно, так скорей
Я сдохну враз от музыки и страсти
И вырвусь из темницы на простор!

Курио (*поет*).

За взгляд один твой благосклонный
Я восемь жизни лет отдам!
Зачем в тебя я стал влюблённый,
Моя прекрасная мадам?!

В это время на берегу.

Капитан.
Оливия не примет вас. Она
И герцога послов не принимает.

Виола.
И герцога?.. А если мне к нему
Пойти служить, сперва переодевшись
В мужское платье? Чтоб не приставал...
Что скажешь?

Капитан.
Искромётная затея!

Виола.
Не выдашь?

Капитан.
Да на что мне!

Виола.
Поклянись!

Капитан.
Как станете вы евнухом Орсино,
Так стану я при вас глухонемым.
И если мой язык проговорится,
Пускай немой и зрения лишится.

Виола.
Тогда идём к Орсино во дворец!

Капитан.
Отныне вы – не дева, а скопец.

В это время во дворце герцога Орсино.

Орсино.
Практически я умер.
(*Входит Валентин*)
Валентин!
Скорее! Что она? С какой ты вестью?

Валентин.
Всё с тою же. Оливия меня
И на порог, как прежде, не пустила.
С Мальволио я переговорил.

Орсино.
С её дворецким? Что ж?

Валентин.
Да ничего-с.
Мальволио вас тоже не полюбит.

Орсино.
Болван! Зачем его-то мне любовь?

Курио.
Мой герцог, может, всё же на охоту?

Орсино.
Охота? Ох! Охота на кого?

Курио.
Ну, например... Не знаю... На оленя!

Орсино.
Я сам теперь, как загнанный олень!
Оливия вцепилась мне в лодыжку!
И очень скоро насмерть загрызёт!
Оливия, олень... Почти что в рифму.
Попробовать стишки посочинять?
Ну нет, уволь! Охота, так охота,
Хоть мне и не охота на неё...

Валентин.
Так я бегу, велю там запрягать?

Орсино.
Куда бы мне от смерти убежать?

Уходят.

Сцена II

Замок Оливии. Входят Сэр Тоби и Мария.

Сэр Тоби.

Что за холера нашла на мою племянницу по смерти ее брата? Убивается и убивается! Сколько можно? Я всегда говорил: смерть – это враг жизни. Даже если это чужая смерть!

Мария.

А я вам не устаю твердить: вы должны возвращаться домой пораньше. Ваша племянница, моя госпожа, когда вы за полночь входите в дом в самом затрапезном виде, прямо из себя выходит!

Сэр Тоби.

И что с того, что выходит? Пускай подышит вне себя свежим воздухом. Глядишь – и ее тухлое настроение развеется. Или она боится выйти из себя и не найти дороги обратно?

Мария.

А вот вам как раз хорошо бы удерживать себя в границах приличий.

Сэр Тоби.

В границах приличий? Да кто их видел! Я всегда удерживаю себя в границах себя. Брюхо, наполненное выпивкой и закусками, – удерживаю в границах моего камзола. Ляжки – в границах моих штанов. Ноги – в границах моих башмаков. И если башмакам это не нравится – пускай своими шнурками удавятся! Руки правда трудно удержать в границах карманов, они то и дело незаконно пересекают границу! (*Грубовато ласкает Марию*)

Мария.

Перестаньте, сэр Тоби! Мои руки не слабее ваших и всегда на страже моих владений. Ох, погубят вас пьянка с гулянкой! А еще этот дурацкий рыцарь, которого давеча вы пытались сосватать графине!

Сэр Тоби.

Кто? Сэр Эндрю? Эгьюйчик?

Мария.

Юйчик, Юйчик.

Сэр Тоби.

Сэр Эндрю – важный человек.

Мария.

И что вам за важность от его важности?

Сэр Тоби.

А то, что у него доходу в год три тысячи дукатов.

Мария.

Да только он все эти дукаты дохода за год пускает в расход, потому что круглый дурак и мот.

Сэр Тоби.

Фу, Мария, как ты можешь говорить такое! Он же, как бог, играет на этой... Как ее? На филоло... На фиоло... На *виолонцели*! И владеет тремя или даже четырьмя языками почти без словаря. Клянусь, я сам слышал! И вообще, он – человек, щедро одаренный природой.

Мария.

Да уж куда щедрее! Мало того, что дурак, так говорят, еще и задира. И кабы не дар выдающейся трусости, повинувшись которой он всегда вовремя дает стрекача, так природа напоследок наградила бы его еще и могилой.

Сэр Тоби.

Лжецы и мерзавцы, кто так о нем говорит! Что это за люди?

Мария.

Те самые, которые еще добавляют, что вы еженощно до чертиков напиваетесь в его компании.

Сэр Тоби.

Мы пьем исключительно за здоровье моей племянницы. Сукин сын и подлец – тот, кто не встанет и не станет пить за мою племянницу до состояния полного нестояния! Так-то, девочка, девулечка моя! Но – тпр-р-ру! Вот и он! Сам Сэр Эгью Эндрюйчик!

Входит Сэр Эндрю.

Сэр Эндрю.

Сэр Тоби! Наше вам...

Сэр Тоби.

Дражайший Сэр Эндрю!

Сэр Эндрю (*к Марии*).

Здорово, корова!

Мария.

И вам, сэр, чумкой не болеть.

Сэр Тоби.

Абордаж, Сэр Эндрю, абордаж!

Сэр Эндрю.

А кто она?

Сэр Тоби.

Горничная моей племянницы.

Сэр Эндрю.

Милейшая миссис...

Мария.
Я мисс вообще-то.

Сэр Эндрю.
Милейшая мисс Абордаж, а я не прочь познакомиться с тобой поближе.

Мария.
Меня, сэр, вообще-то Марией зовут.

Сэр Тоби.
Ошибочка вышла, рыцарь. Я скомандовал тебе «Абордаж!» в смысле «смелее», «наступай», «атакуй ее», «зажми, зажги и очаруй»!

Сэр Эндрю.
Я так понимаю, безоружному к ней лучше и не соваться. Вы это имели в виду, говоря про «абордаж»?

Мария.
Всего хорошего, джентльмены.

Сэр Тоби.
Да чтоб тебе больше свой меч не извлечь, Сэр Эндрю, если ты вот так ее отпустишь!

Сэр Эндрю.
Да чтобы мне больше свой меч не извлечь, миссис...

Мария.
Я мисс.

Сэр Эндрю.
Да чтобы мне больше свой меч не извлечь, мисс как вас там, если... За дураков ты нас тут, что ли держишь?

Мария.
Ни я вас тут не держу, ни вы меня тут не удержите.

Сэр Эндрю.
А ты вот на, поддержи меня за руку. Может, я тебя и удержу.

Мария.
Я вас умоляю! Прежде отнесите свою ручонку в харчевню, накормите и напоите ее там как следует.

Сэр Эндрю.
Это еще зачем, милочка? В чем смысл твоей остроты?

Мария.

Уж больно слабенькая!

Сэр Эндрю.

Кто? Острота? Что-то я не врубился в метафору.

Мария.

Где уж вам врубится! Остроты голове не хватает.

Сэр Эндрю.

А твоей, можно подумать, хватает?

Мария.

А моя звёзд с неба не хватает.

Мария уходит.

Сэр Тоби.

Ох, рыцарь! Всё, что тебе остается, высушить кружку канарского. Не припомню, чтобы ты когда-нибудь был так бесповоротно повержен!

Сэр Эндрю.

Никогда... За исключением тех случаев, когда я был повержен канарским. Иногда мне кажется, что у меня не больше остроумия, чем у любого человека с хорошим лицом или даже вообще у кого попало, включая нерукопожатных. Но я слишком много ем говядины. Думаю, она, проклятая, и притупляет мой острый ум, приближая меня к быдлу...

Сэр Тоби.

Определенно. Говядина – коварная вещь.

Сэр Эндрю.

Короче, всё, Сэр Тоби. Сажусь на бессолевую диету и завтра же отправляюсь домой.

Сэр Тоби.

Пуркуа, мой храбрый рыцарь?

Сэр Эндрю.

Что это значит – «пуркуа»? Быть или не быть? О, если бы я посвятил изучению языков время, потраченное на фехтование, танцы и медвежью травлю! Как бы я тогда был развит!

Сэр Тоби.

Может быть, внутри головы – да, а снаружи – тебе и развивать нечего.

Сэр Эндрю.

То есть, как это – снаружи нечего?

Сэр Тоби.

Очень просто. У тебя и без того в волосах ни одного завитка. Так что в развитии они не нуждаются.

Сэр Эндрю.

Но мне же к лицу прямые волосы?

Сэр Тоби.

Ещё бы не к лицу, рыцарь! Висят, как лён на прялке! И надеюсь, твоя жена, когда ты вскоре ею обзаведёшься, е-бэ-жэ, бэ-дэ-эс-эм, зажмет эту прялку промеж колен и станет из тебя веревки вить.

Сэр Эндрю.

Нет, Сэр Тоби, я завтра домой. Ваша племянница меня даже не замечает. А если и заметит, четыре против одного – она не станет моей. Куда мне, если сам герцог за ней приударил!

Сэр Тоби.

Как раз за герцога она не выйдет. При мне божилась, что никогда не станет женой тому, кто превосходит ее – положением, годами или, тем более, остроумием. Это к вопросу о говядине в твоём рационе.

Сэр Эндрю.

Ну, если так, я, пожалуй, останусь еще на месяц. Какой же я все-таки свистопляс! Вот почему? Объясните мне – почему я нахожу высшее наслаждение в маскарадах, балах и прочих праздниках?

Сэр Тоби.

Чему тут удивляться, рыцарь, когда ты так лихо там отжигашь!

Сэр Эндрю.

Почище любого иллирийца, кем бы он ни был, за исключением разве старейших обалдеев.

Сэр Тоби.

А как ты отплясываешь гальярду, рыцарь!

Сэр Эндрю.

Что да, то да! А как ловко я нарезаю жигу и выписываю коленца!

Сэр Тоби.

Так же ловко, как я нарезаю жирное и уписываю окорока!

Сэр Эндрю.

И мне кажется, я лучше всех в Иллирии владею прыжком с кисточкой.

Сэр Тоби.

Почему же об этом никто не знает? По какому праву ты, рыцарь, зарываешь свой изысканный талант в грязную почву бесплодных колебаний? Почему ты не проявишь свои способности, подобно неистовой Леди Гага? Почему не ходишь в церковь, отплясывая гальярду, и не возвращаешься домой, выделявая куранту? Я бы на твоём месте жиговал во время каждой прогулки и даже струю пускал бы синкопами. О чем ты думаешь вообще? Это же великий грех – скрывать свои дарования! А поглядеть на конституцию твоей ноги – так сразу же видно: Барышников отдыхает!

Сэр Эндрю.

Это правда, эти икры многим фору дадут, особенно когда я в огненно-рыжих чулках. Но что-то стало холодать.

Сэр Тоби.

А, каналья! Не пора ли нам поддать? Да! И ветер дует в спину! Ты кто по гороскопу? Телец?

Сэр Эндрю.

Именно! А Телец – это сила сердец!

Сэр Тоби.

Нет, рыцарь! Телок – это силища ног. Дай же мне полюбоваться твоим прыжком! (*Любуется*) Выше, выше! Ах! Красота, кто понимает!

Уходят.

Сцена III

Дворец герцога Орсино. Входят Валентин и Виола в мужском платье.

Валентин.

Цезарио! Если вы и впредь будете у герцога в таком фаворе, достигнете просто недостижимых высот. Всего три дня при дворе, а уже не чужой.

Виола.

Не пойму, на что вы намекаете – на фальшивость моих достоинств или ветреность нашего господина?

Валентин.

Да упаси Бог! Ни на что я не намекаю!

Входит герцог Орсино, Курио и др.

Орсино.

Подите все вы к дьяволу! А ты, Цезарио, останься. Стань поближе.

Курио.

Я мог бы и в гримёрке посидеть!

Все, кроме Орсино и Цезарио, уходят.

Орсино.

Души моей потрёпанную книгу
Тебе, мой друг, я давеча открыл.
Ты всё прочёл не по диагонали
И все во мне картинки рассмотрел.
Теперь ступай к Оливии порогу!
Стань у дверей, как юный баобаб!
Скажи ей, что под коврик пустишь корни
И до скончанья века там стоять
Потомкам в назидание ты будешь!

Виола (*в сторону*).

Была охота! Вот ещё!

Орсино.

Скажи,
Что без нее мне жизнь кошмара хуже.
Что я готов на всё, как синий кит!
Что удавлюсь и вены перережу,
В записке перед смертью повелев
Во всём винить Оливию!

Виола.

Допустим.

А если всё равно ответит «Нет»?

А если скажет «Скатертью дорога»?

Орсино.

Стой на своём. Труби! Кричи! Визжи!

Виола.

А если примет, к визгу что добавить?

Орсино.

Соври, что я недолго протяну

И брачный с нею подписать согласен

Грабительский контракт и всё отдать,

Когда она со мною согласится...

Виола.

Да полно! Всё одно по одному!

Не будет толку!

Орсино.

Мальчик мой! Поверь.

Ты слишком юн, профан по части женщин.

Твои уста нежней Дианы рта,

Пристал румянец твой невинной деве,

И голосок subtilen, как свирель,

Буколики весенней украшение...

И всё ещё ты в возрасте таком,

Что с девочкой тебя возможно спутать.

Виола (*басит*).

Чё, правда?

Орсино.

А зачем я стал бы врать?

Но в этом, очевидно, есть и плюсы!

Оливия скорей поймёт тебя,

Чем всех моих посланцев неуклюжих.

И женственность твоя её смутит

И собственную женственность заставит,

От скорби пробудившись, выйти в путь,

Ведущий к моему мужскому...

Виола.

Ладно.

Сведу я с нею вас любой ценой...

(*в сторону*)

Хоть сам... сама хочу вам стать женой!

Уходят.

Сцена IV

Замок Оливии. Входят Мария и Фесто.

Мария.

Если не скажешь, где болтался все это время, я сожму мои губы так крепко, что в них и волосок не пролезет, а не то что слово в твою защиту, когда госпожа велит тебя повесить!

Фесто.

Пусть вешают. Лишь бы не за яйца.

Мария.

Чего это ты так расхрабрился?

Фесто.

А того, что с утра побрился.

Мария.

Нет ума, зато отваги – хоть отбавляй!

Фесто.

Умно ль бояться боли,
Когда душа на воле?

Мария.

Значит, зря говорят,
Что сквозь петлю – дорога в ад?

Фесто.

Согласно внешним голосам,
Повешенный ближе к Небесам,
Чем те, кто клеветает на милость Господню,
Сочиняя басни про преисподнюю.

Мария.

Басни или не басни, а чем еще таких мерзавцев, как ты, отвадишь от порока, если не вечными муками!

Фесто.

Вечная мука – не штука.
А тот воистину мается,
Кто согрешит и не кается.

Мария.

Одним словом, повесят. И правильно сделают.

Фесто.

А я повишу, повишу,

Да и сам себя воскрешу —
Тем, что самую смерть насмешу.

Мария.
Уверен?

Фесто.
Еще как! Моя уверенность держится на двух основаниях.

Мария.
Даже не спрашиваю, на каких. Но два хлипких, конечно же, лучше одного прочного. Ведь если одно надорвется, другое на попа перевернется!

Фесто.
А я все же скажу. Во-первых, лучше удавиться, чем по расчету жениться. А во-вторых, в петле закрутившись, из любой беды выкрутишься.

Мария.
А вот как раз сюда идет госпожа, и самое время тебе подумать о том, как выкрутиться, чтобы в петле не крутиться.

Уходит.

Фесто.
Да уж, как ни крути, а болтаясь на виселице, не споешь: «Вот новый поворот»...
(*Входят Оливия и Мальволио.*)
Отче ум, да будет твоя воля, ввергни меня в пучину уморительного дурачества! Ведь это умники, уверенные в своем блеске, обычно остаются в дураках. А лично я убежден в своей непроходимой глупости. Что говорит по этому поводу великий Квинапалус? Меда гидулис, нида гефалис! То есть, лучше мудрый дурак, чем тупой остряк! Благослови тебя Бог, миледи!

Оливия.
Уберите глупую тварь.

Фесто.
Оглухли вы что ли, ребята? Уберите миледи.

Оливия.
Катись отсюда, дурак. От твоего зубоскальства зарыдать впору.

Фесто.
Не смею ослушаться, добрая госпожа, но имеются две загвоздки. Во-первых, я пока- тился бы, будь круглым дураком, но я дурак гораздо более сложной конфигурации – острые словечки торчат из меня, точно иглы из дикобраза. А во-вторых, даже будь я круглым и глад- ким, как колобок, без чужой помощи смог бы покатиться только по наклонной плоскости. Плос- кость же, на которой мы все стоим – слава уровню и отвесу строителя! – никуда не накло- няется. И этого может не замечать только совершенный глупец. Миледи распорядилась убрать глупую тварь. Я повторяю: уберите миледи!

Оливия.

Я развею твое заблуждение относительно моих умственных способностей, приказав дать тебе такого хорошего пинка, чтобы все твои остроты из тебя повылетели и ты катился бы даже по самой ровной поверхности до замковых ворот и дальше с глаз моих долой.

Фесто.

Обидеть художника может каждый. Миледи! Кукуллюс нон фацит монакум, что значит: дурацкий колпак дураком не делает. Позволь мне неопровержимо доказать твою глупость.

Оливия.

А ты и впрямь способен на это?

Фесто.

В два счета!

Оливия.

Ну что ж, выкладывай свои доказательства.

Фесто.

Для этого мне придется исповедать тебя, моя добродетельная белочка. Будешь ли ты со мной откровенна?

Оливия.

Спрашивай, несвятой отец. Мне от тебя скрывать нечего.

Фесто.

Добрая госпожа, о чем ты скорбишь?

Оливия.

Будто не знаешь! О смерти моего брата.

Фесто.

А! Так значит, душа его в аду, миледи?

Оливия.

Я уверена, что душа его в Раю, шут.

Фесто.

Ну не величайшая ли глупость, миледи, скорбеть о том, что душа твоего брата в Раю? Уберите глупую тварь, джентльмены.

Оливия.

Что ты думаешь об этом дураке, Мальволио? Он неисправим?

Мальволио.

Конечно! Его, как горбатого, разве что могила исправит. С годами ведь только ум слабеет, а глупость растет и крепнет, как на дрожжах.

Фесто.

Дай же Бог, сэ, твоей глупости стремительно крепнуть с годами!

Оливия.

Что скажешь на это, Мальволио?

Мальволио.

Я восхищаюсь вашим милосердием по отношению к этому бездарю. Не так давно я стал свидетелем тому, как он прикусил язык в ответ на шутку ярмарочного паяца. Ни бе, ни ме, ни кукареку. Милостиво посмеиваясь над его фиглярством, вы усугубляете порочность этого мерзавца. А по-моему, даже умнейшие люди, смеясь пошлятине такого рода, сами рискуют со временем превратиться в каких-нибудь снежков, каштанов и бульдогов.

Оливия.

О, вы больны самолюбием, Мальволио. Щедрый, простодушный и свободомыслящий человек не придает особого значения горошинам из рогатки, которые вы принимаете за пушечные ядра. Шут никогда не злословит, как бы кого ни обличал. Так осмотрительный человек никого не обличает, как бы ни злословил.

Фесто.

Да поможет тебе Меркурий врать без запинки за доброе слово о шутах!

Возвращается Мария.

Мария.

Мадам, у ворот стоит молодой человек, страстно желающий поговорить с вами.

Оливия.

Опять посол Орсино?

Мария.

Не знаю, мадам, но юноша хорош собой и недурно воспитан.

Оливия.

И кто там не дает ему войти?

Мария.

Сэр Тоби, мадам, ваш дядя.

Оливия.

О, нет! Страшно представить, что он там наговорит! Мария, приведи сюда моего родственника. (*Мария уходит*) А ты, Мальволио пойдй скорей к воротам, узнай, кто этот незнакомец. И если он из свиты герцога, скажи, что я больна, что дома никого, и денег нету, и кошка родила вчера котят... Короче, придумай что-нибудь риторическое...

Мальволио.

Риторическое – это мое. (*Уходит.*)

Оливия.

Теперь вам ясно, сэра, что ваше шутовство вконец одряхлело? Никто над ним уже не смеется. Ведь грех смеяться над старостью...

Фесто.

Твоя давешняя апология дурачества, мадонна, была настолько убедительной, точно ты прочишь в дурачки своего старшего сына, да наполнит великий Гудвин его черепашку первосортными мозгами! А то еще пойдет умом в двоюродного дедушку, у коего пиа матер слабее корпии в колбе. Вот он, кстати, легок на помине!

Входит Сэр Тоби.

Оливия.

Ой, горе мое! Опять нарезался! Кто там стоит у ворот?

Сэр Тоби.

Жентильмен.

Оливия.

Джентльмен? Какой джентльмен?

Сэр Тоби.

Жентильмен как жентильмен... Ик! Будь проклята селедка в маринаде! Здорово, шут!

Фесто (*раскланиваясь*).

Ваше нализательство!

Оливия.

Дядя, дядя, и как вас угораздило в такую рань довести себя до этакой летаргии?

Сэр Тоби.

Литургия? Где она? Я опоздал на литургию из-за этого у ворот!

Оливия.

Да кто там такой в самом деле?

Сэр Тоби.

В самом деле всё не так, как в самом деле! Кто он такой? Я не знаю. Но думаю, сам дьявол! Не даром же он не пускал меня на литургию! Где у вас тут литургия? (*Покачнувшись*) А впрочем, лучше пойду вздремну, ибо все дороги ведут... в храп. (*Пошатываясь, уходит.*)

Оливия.

На кого похож пьяный человек, шут?

Фесто.

На дурака, полоумного и утопленника. Первый глоток сверх меры усугубляет его глупость, второй – окончательно сводит с ума, третий – пускает на дно, как шторм дырявую шляпку.

Оливия.

Дырявая шляпка – на этот случай самое подходящее сравнение. Присмотрел бы ты за ним, а то боюсь, наш утопленник всплывет где-нибудь в сточной канаве или того хуже – в полицейском участке.

Фесто.

Поверь моему опыту, мадонна, он еще на плаву, хотя ума уже лишился. Так что дурачок присмотрит за безумцем.

Фесто сталкивается в дверях с Мальволио.

Мальволио.

Каналья!

Фесто.

Рад знакомству. А я – Фесто, придворный шут.

Фесто уходит.

Мальволио.

Мадам, этот юноша желает говорить с вами. Я сказал ему, что вы больны – он заявил, что прихватил с собой испытанное средство от вашей болезни. Я сказал, что вы спите – он сообщил, что умеет разговаривать со спящими, и показал соответствующий диплом. Наконец, простите, мадам, я соврал, что вы умерли. Он завопил «Аллилуйя!» и утверждает, что способен воскресить вас, аки Христос Лазаря. На этом я спасовал, ретировался и жду дальнейших распоряжений. Этот юноша желает с вами говорить и ничего не желает слышать.

Оливия.

Скажите ему, что он не будет говорить со мною!

Мальволио.

Сказал. Наглец же отвечает, что будет стоять у ворот так же непокобели... непоколебимо, как чугунная коновязь, до тех пор, пока...

Оливия.

Да что же он за человек такой? Какого рода?

Мальволио.

Мужескаго, мадам.

Оливия.

Да нет, какого он типа?

Мальволио.

По-моему, сангвиник.

Оливия.

Да нет же! Что он за персонаж? Каков типаж? Какого амплуа?

Мальволио.

Похож на травести. Для мужчины слишком юн, для младенца староват. Стручок без очевидно выпуклого содержания, этакий цуккини с весенней грядки. Говорит грозно, а у самого материнское молоко на губах не обсохло.

Оливия.

Ладно. Пусть войдет. И позовите мою горничную.

Мальволио.

Мария! Срочно к госпоже!

Мальволио уходит. Входит Мария.

Оливия.

Подай мою вуаль, Мария.

Набрось мне на лицо.

Сама прикройся тоже.

Послушаем мальчишку от Орсино.

Входит Виола.

Виола.

Кто из вас досточтимая хозяйка этого замка?

Оливия.

Я за нее. Со мною говорите.

Виола.

Изысканная, ослепительная и несравненная красота!.. Умоляю, скажите: поскольку я никогда ее не видел, вы ли благородная хозяйка этого замка? Прошу, не смейтесь надо мной, вам же лучше будет. Когда я стесняюсь, просто зверею!

Оливия.

Откуда вы свалились на наши головы?

Виола.

Я могу сказать немного больше, чем заучил, но в моей домашней заготовке на этот вопрос ответа нет. Очаровательная, кивните мне, если вы и впрямь в этом доме хозяйка, чтобы я мог начать свою речь.

Оливия.

Вы – комедиант?

Виола.

Нет, мое нежное сердце. Но – клянусь клыками самой ядовитой злобы – я не тот, кого изображаю. Вы – в замке хозяйка?

Оливия.

Если не узурпирую моих собственных прав, то – да, хозяйка здесь я.

Виола.

Если вы и есть она, вы узурпируете право на самое себя. Ведь то, что даровано свыше, принадлежит нам не вполне. Но затем я и здесь, чтобы восстановить справедливость в этом вопросе. Если вам угодно, я начну свою речь и выложу пред вами сердце и печень моего послания.

Оливия.

Угодно, не угодно – давайте без угодничества. Переходите к сути, наконец, а сердце с печенью пусть остаются на бумаге.

Виола.

Но я с таким трудом заучил послание наизусть, и оно так поэтично...

Оливия.

Поэтичность слишком часто сродни притворству. Давайте обойдемся без поэтичности. В чем соль вашей несостоявшейся речи?

Виола.

Но соль без мяса горька и не полезна для здоровья.

Оливия.

Мне доложили о ваших дерзостях у ворот, и я позволила вам войти, чтобы взглянуть на вас из любопытства, а не слушать ваши вирши. Если вы не в своем уме, ступайте прочь. Если в своем – будьте по-военному кратки. У меня нет времени на диалоги о вкусной и здоровой пище.

Мария.

Не поднять ли вам паруса, капитан? Путь в открытое море свободен.

Виола.

Нет, боцман, я еще маленько покачаюсь тут у пристани. Уймите своего великана, миледи!

Оливия.

Говорите, что у вас там...

Виола.

Я – посол.

Оливия.

Посол? То есть, все вас посылают?

Виола.

Не все – лишь тот, кому я служу верой и правдой.

Оливия.

Наверное, вам поручено сообщить мне какую-нибудь неудобопроизносимую гадость, раз вы так долго не можете выбраться из предисловия и перейти к существу.

Виола.

Существо касается вас одной. Я не из тех послгов, что объявляют войну или требуют дань.
В моей руке – оливковая ветвь,
Оливию склонить я должен к миру.

Оливия.
Но начали вы с грубости. Кто вы такой? Чего вы от меня хотите?

Виола.
Был груб лишь оттого, что принят был неласково. Кто я и чего хочу от вас – такая же святая тайна, как непорочность. Открыть могу лишь вам и только с глазу на глаз.

Оливия.
Оставьте нас вдвоем. (*Мария и прислуга уходят.*) Послушаем святую вашу тайну.

Виола.
Изысканная, ослепительная и несравненная красота!

Оливия.
Ну, в этом тайны нет. И можно без конца трактовать об очевидном.

Виола.
Об очевидном чём?

Оливия.
О прелестях моих. Но вы же не за этим... В чём корень ваших тайн?

Виола.
В груди Орсино.

Оливия.
В груди Орсино, м-да... Как глубоко в его груди?

Виола.
Да в самом сердце, глубже не бывает!

Оливия.
Давайте и зароем корень там,
Пока он не пустил побегов сорных.
Сказать вам больше нечего?

Виола.
Увы.
Вот разве что... Лицо мне покажите!

Оливия.
Так вам поручено вести переговоры с моим лицом? Или вы решились преступить границы своих полномочий? Ну что ж, мы приподнимем занавес и покажем вам картину. (*Поднимает вуаль.*) Хороша ли работа?

Виола.
Превосходна. Но кисти ли Творца?

Оливия.
А есть сомнения?

Виола.
Так слишком уж красива!

Оливия.
И временем испытана, увы.
Но ни дождя, ни ветра не боится.

Виола.
Те самые часы, чей нежный труд
Сооружает образ ненаглядный,
В конце концов его же и убьют,
Сведя во прах, бестрепетный и смрадный,
Поскольку время летние деньки
Ведёт к зиме, на поприще расправы:
Листва падёт, утихнет шум реки,
Под снегом лягут высохшие травы.
И если лета суть не соберёт
Текучий узник в хрупком заточеньи —
С красой, увы, бесследно пропадёт
Могучее красы животворенье.
Эссенции же гибель не страшна:
Цветы мертвы, душа их – спасена.

Оливия.
Уверяю вас, сударь, я не дам своим прелестям исчезнуть бесследно. Задолго до первых морщин и старческой худобы я составлю подробную опись моей красоты. И на каждую ее часть приклею ярлычок с инвентарным номером. Номер один – белоснежное чело. Номер два – две брови, черные как вороновы крылья. Номер три – два голубых глаза с длинными густыми ресницами. Номер четыре – изящный носик. Номер пять – две губы, одинаково алые. Номер шесть – точеный подбородок. Номер семь – лебединая шея. Номер восемь...

Виола.
А давайте ниже семерки не пойдем.

Оливия.
Отчего же? Вам наскучила моя инвентаризация?

Виола.
Нет, в принципе забавно, но... Для герцога ничего у вас не будет?

Оливия.
Ни волоса. Ни капельки. Ни звука.

Виола.

Я понял вас. Собой довольны вы,
Горды, как сыч! Но будь вы даже дьявол,
Вы ангелу подобны красотой!
И герцог, мой хозяин, так вас любит,
Что в мире смертных глубже чувства нет
И высшим идеалом невозможно
Любовь его достойно наградить.

Оливия.

Как любит он меня?

Виола.

Как ветер – травы,
Когда летит он, буйствуя, в луга!
Как дождь – цветы весеннего раздолья!
В слезах и столах, с жаждой умереть
От страсти плодородного порыва.
Как вешний гром рыдает в небесах,
Предчувствуя с лазурью расставанье,
Так точно он с возлюбленной в разлуке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.